

А. В. Кинсбургский

Потенциал массового протеста
и социальная база поддержки
(к вопросу о перспективах
российских реформ)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kin_Potencial_mass.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

ПОТЕНЦИАЛ МАССОВОГО ПРОТЕСТА И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ПОДДЕРЖКИ (к вопросу о перспективах российских реформ)

Суть переходного периода, который переживает современная Россия, состоит в дальнейшей трансформации страны в русле западноевропейских социальных институтов и ценностей при сохранении ее национальных и историко-культурных особенностей. В этой связи перед российским правительством стоит задача в ближайшие годы провести ряд относительно непопулярных социально-экономических реформ — муниципальную, жилищно-коммунальную, реформы в области здравоохранения, образования и другие.

Недавний опыт проведения пенсионной реформы показал, что при отсутствии адекватного понимания и поддержки со стороны заинтересованных социальных групп, а фактически всех слоев общества, усилия власти по замене сложившейся в советское время системы государственного пенсионного обеспечения на более прогрессивную накопительную были изначально обречены на провал. Более того, неумелые попытки реформирования социально-экономической сферы, затрагивающие интересы широких слоев населения, как это было, например, в начале 2005 года при введении в действие закона о «монетизации льгот», могут спровоцировать массовые акции протеста, существенно подорвать доверие и престиж власти. Проблема, таким образом, состоит в том, **чтобы провести непопулярные, но необходимые с точки зрения модернизации страны реформы с минимальными социальными и политическими издержками, с одной стороны, избегая нежелательных акций протеста, с другой, не допуская делегитимизации власти и потери ею «своего лица».** В научном плане решение указанной проблемы предполагает поиск ответов на следующие вопросы. Каков уровень социального недовольства в российском обществе в региональном разрезе и в динамике за последние годы? Каковы субъекты, критерии и адресаты массового недовольства? В каких формах оно проявляется? Каковы его основные социальные функции? Каковы условия, при которых социальное недовольство может перерасти в массовый протест? Какова вероятность развития массового протеста в стране в связи с попытками дальнейшего реформирования об-

щества? Как следует правительству, власти в целом относиться к массовым акциям протеста?

По поводу массового протеста, вообще протестного потенциала в условиях России бытует много предрассудков или, по крайней мере, недостаточно убедительных, предвзятых суждений. Например, довольно распространены следующие стереотипы мнений: (1) чем выше уровень социального недовольства, тем вероятнее начало массовых акций протеста; (2) существует некий предельный уровень социального недовольства, после которого массовые действия протеста начинаются сами собой, как бы автоматически; (3) наиболее склонны к протесту самые обездоленные слои населения, стоящие на нижних ступенях социальной иерархии; (4) массовый протест в конечном счете всегда приводит к беспорядкам, насилию, поэтому лучше не допускать его в принципе; (5) у массовых акций протеста обязательно есть «зачинщики» из числа противников действующей власти, нейтрализация которых может предотвратить беспорядки. Эти стереотипные мнения, несомненно, имеют корни в отечественной истории, однако противоречат цивилизованным представлениям о формах и методах выражения социального недовольства в условиях современного общества западноевропейского типа.

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА И СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО

Известно, что люди протестуют — возмущаются, негодуют, предпринимают какие-то действия в знак протеста — не от хорошей жизни и, как правило, не потому, что им это нравится. Они вынуждены так поступать, поскольку у них не остается выбора, другой возможности изменить ситуацию к лучшему, например, найти понимание и сочувствие, договориться, прийти к обоюдному согласию, добиться решения той или иной важной проблемы. Другими словами, в основе массового протеста лежит социальное недовольство в широком смысле слова — условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти и т.п.

С началом рыночных реформ в России показатели социального недовольства — неудовлетворенности условиями жизни в целом и ее отдельными составляющими — заметно выросли по сравнению с предшествующим советским периодом. Если в начале 80-х годов по данным различных социологических опросов доля полностью или в основном неудовлетворенных не превышала 30–40%, то с начала 90-х годов эта цифра стабильно держится на уровне 50–60% от общего числа опрошенных. По оценкам Юрия Левады, «от двух третей до трех четвертей российского населения считают, что живут хуже, чем раньше, зна-

чительно хуже, чем рассчитывали, и — сверх того — хуже, чем большинство окружающих людей» [7].

При анализе динамических рядов показателей социального недовольства, регулярно публикуемых ведущими социологическими центрами, выясняется, что на протяжении длительного отрезка времени их значения оставались относительно стабильными и менялись в довольно узких пределах. Безусловно, в истории постсоветской России наблюдались резкие подъемы, «всплески» этих показателей, например, весной 1997 г. на пике так называемых неплатежей или осенью 1998 г. в результате «дефолта». Однако уже через некоторое время их значения возвращались на прежний уровень, неизменно снижаясь в весенне-летний и несколько возрастают в осенне-зимний период. Из этого можно заключить, что относительно высокий уровень социального недовольства в современной России имеет в основном фоновый характер и не обязательно означает высокий уровень потенциально, а тем более реального массового протеста.

Динамика массового протестного потенциала, измеряемого показателем готовности к личному участию в уже начавшихся акциях протеста, в целом повторяет тенденции изменения социального недовольства, но на более низком уровне. Те, кто готов публично протестовать, составляют примерно половину — две трети от числа недовольных, в среднем 20-25% от всех опрошенных. Еще ниже, естественно, показатели реального участия в массовых акциях протеста — на уровне 5-10% от общего числа участников опросов. По данным ВЦИОМ (1997 г.), всеми видами протестных акций за 12 месяцев было охвачено 7% опрошенных [8].

В постсоветской России сложилась относительно противоречивая и, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда относительно высокая доля недовольных сочеталась со сравнительно низкой долей готовых протестовать и тем более реально участвующих в акциях протеста. Наиболее яркими примерами указанного противоречия могут служить, по крайней мере, такие факты: (1) многократное обесценение рубля в августе 1998 г. не привело к массовым выступлениям против экономической политики правительства, тогда как аналогичные события в Индонезии (в 1998 г.) и Аргентине (в 2001-2002 гг.) вызвали массовые уличные беспорядки; (2) серия терактов в августе 2004 г. (катастрофа двух самолетов и взрыв в Москве у станции метро «Рижская») не имела в этом смысле никаких последствий, а сравнимые, скажем, по числу жертв, теракты в Мадриде спустя несколько месяцев послужили причиной миллионной демонстрации протеста и смены кабинета министров в результате парламентских выборов.

Юрий Левада в этой связи делает вывод: «...особенность массовой реакции на нескончаемую череду испытаний, лишений, тягот, кото-

рые приходится испытывать человеку в российском обществе на протяжении практически всей досоветской, советской и нынешней, постсоветской истории — безусловное преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права» [7]. С этим выводом вполне можно согласиться, если не брать в расчет того, что периодически в российской, в том числе постсоветской, истории все приобретало совсем другой вид — активный протест, бунт, борьба преобладали над терпением, приспособлением и пассивностью. Так было, например, в августе 1991, мае и октябре 1993, январе-феврале 2005 годов.

Главной силой декларативного протеста в России в 90-е годы, по мнению Ю. Левады, были жители малых городов и сельской местности, на долю которых приходилось примерно 4/5 всех потенциальных «протестантов». Для Москвы и других мегаполисов характерен большой разрыв между высокими ожиданиями/опасениями массовых акций протеста и низкой готовностью участвовать в них. Сибирь и Дальний Восток характеризовались как «центр недовольства и выступлений», а Урал и Предуралье — как «опорный край державы» (с точки зрения социальной базы поддержки проводимых реформ).

В текущем десятилетии региональные различия в уровне социальной напряженности по оценкам так называемых лидеров мнений¹ выглядят следующим образом:

Таблица 1. Средняя оценка социальной напряженности в регионе по 10 балльной шкале

Регион	2000 г.	2004 г.
Центр	3,9	3,1
Северо-запад	4,5	4,1
Юг	4,6	3,7
Поволжье	3,5	4,0
Урал	4,2	3,2
Сибирь	3,5	3,5
Дальний Восток	4,0	4,2
В целом по стране	4,1	3,8

Как можно заметить, в целом уровень социальной напряженности, по мнению «лидеров», несколько спал, однако остается по-прежнему заметной величиной, располагаясь ближе к середине, чем к началу

¹ Данные представительных опросов руководителей законодательной и исполнительной власти, бизнеса и силовых структур на региональном уровне, проведенных Центром «Глас народа».

шкалы измерения. Региональные различия выглядят не очень значительными: от 3,1 балла в Центре до 4,2 на Дальнем Востоке.

С началом нового десятилетия многими социологическими центрами, в том числе ФОМом, был отмечен в целом спад социального недовольства и протестной активности россиян [3]. Это объяснялось, видимо, повышенными электоральными ожиданиями в отношении нового Президента РФ В. Путина — надеждами на укрепление государства, наведение порядка, усиление борьбы с коррупцией и т.п. Причиной была также благоприятная экономическая конъюнктура на мировом рынке энергоносителей, которая позволила российскому правительству решить многие финансовые проблемы — ликвидировать задержки платежей, повысить зарплаты, пенсии и т.д. В дальнейшем, однако, происходило постепенное, но незначительное нарастание социального недовольства и, соответственно, протестных настроений в обществе (см. рис. 1).

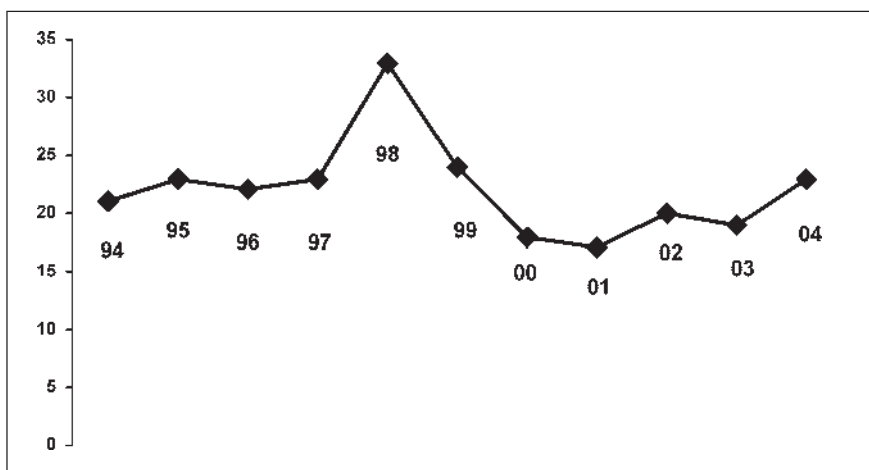

Рис. 1. Готовность лично принять участие в уже начавшихся акциях протеста (в % к общему числу респондентов в каждом опросе)

Примечание: результаты сентябрьских опросов, проведенных ВЦИОМ/Левада-Центром в 1994-2004 гг.

Развитие социально-политической ситуации в стране до недавнего времени давало основание для предположения, что период сильного недовольства и протестной активности россиян остался в основном позади, и у российской власти, по крайней мере, на ближайшие годы полностью развязаны руки для проведения необходимых модернизационных реформ. Однако эта относительно благоприятная картина

была перечеркнута массовыми акциями протеста в начале 2005 г. После введения в действие закона о «монетизации льгот» акции протеста льготников, в основном пенсионеров прокатились по всей стране и приобрели массовый характер, социальное недовольство этой группы населения выплеснулось на улицы, более того, приобрело политический характер (требование отставки правительства и т.п.). Основные уроки этих событий можно было бы сформулировать следующим образом: 1) в нынешней («путинской») России действия протеста столь же вероятны, как и в прежней («ельцинской»), 2) эти действия могут приобрести подлинно массовый характер, затрагивая широкие слои общества, и 3) в результате таких действий протеста власть вынуждена корректировать свою политику, т.е. массовый протест вполне может быть действенным и результативным.

События января-марта этого года вновь актуализировали проблему протестного потенциала российского общества и возможность его трансформации в массовые акции протеста. Опять стали широко обсуждаться вопросы: при каких условиях декларативное, фоновое, пассивное социальное недовольство может превратиться в активные протестные действия? Как предотвратить запуск социального механизма, который приводит к массовым волнениям, беспорядкам, насилию?

Протестный потенциал и социальная адаптация

По данным всероссийского представительного опроса, проведенного ВЦИОМом в марте 1997 г., среди тех, кто больше уже «не мог терпеть свое бедственное положение», выразили готовность участвовать в акциях протеста только 46% [2, с. 8]. Это говорит о том, что «КПД» социального недовольства (в смысле его трансформации в готовность лично присоединиться к протестующим), не превышает 50%. Частично такое положение можно объяснить тем, что среди недовольных встречаются люди, которые по объективным причинам (плохое состояние здоровья, преклонный возраст, обремененность семейными заботами и др.) даже гипотетически не видят себя среди участников пикетов, митингов, демонстраций, забастовок и других действий протеста. Однако главным мотивом вербального отказа от участия в подобных действиях является все же неверие в их эффективность². Это означает, что, с точки зрения социально недовольных, неудовлетворенных ус-

² «...Очевидная "девальвация" массовых уличных акций связана, помимо всего прочего, с убежденностью людей в неэффективности подобных действий в принципе, основанной на собственном опыте или опыте других людей» [5].

ловиями жизни, существуют другие, более эффективные, чем акции протеста, способы решения жизненных проблем.

В кризисный, переходный период главным из них люди считают все же поиск дополнительных заработков и других источников доходов, т.е. активную адаптацию, приспособление к меняющимся условиям жизни. Это подтверждают, например, ответы на вопрос: «*Какой способ поведения в случае длительной невыплаты зарплат, пенсий, стипендий и т.п. вам кажется наиболее верным?*». Согласно ответам, найти дополнительные заработки предполагают 49%, влезть в долги — 21, принять участие в акциях протеста — 13, другие способы — 3, затруднились ответить — 14%³. Значительная часть недовольных склонна скорее к адаптационной, чем протестной активности. Склонность к социальной адаптации в данном случае играет роль своеобразного «амортизатора», «буфера» социального недовольства, который не позволяет последнему вылиться в виде массового протеста. Фактором протестных настроений и действий, стало быть, выступает в данном случае не низкий социальный статус сам по себе, а недостаточный адаптационный потенциал, который может выражаться, например, в безуспешных попытках адаптироваться или в сознательном отказе от таких попыток.

Игнорирование этого обстоятельства иногда приводит к противоречивым выводам относительно связи протестного потенциала и социального статуса. Так, например, на одном и том же эмпирическом материале Ю. Левада делает два противоположных вывода: с одной стороны, «главный носитель настроений протеста — малообразованные», с другой, «на первый план выходит участие [в акциях протеста] не рабочих, а служащих, специалистов, руководителей, лиц с высшим образованием» [8]. На самом деле уровень образования и социальный статус в целом неоднозначно связаны с протестными настроениями. По данным того же ВЦИОМа, около 40% потенциальных «протестантов» живут сравнительно неплохо, в относительном достатке. Получается, что в массовых акциях протеста склонны участвовать не только материально ущемленные, но и те, кому, как говорится, «за державу обидно». В этом случае речь идет, видимо, о двух типах социального недовольства — материально-экономическими условиями и морально-политическими реалиями общественной жизни.

Важным представляется то обстоятельство, что носителями указанных типов социального недовольства во многом выступают представители разных социальных групп. По результатам представитель-

³ Данные представительного всероссийского опроса, проведенного Службой Vox Populi в ноябре-декабре 1992 г.

ного всероссийского опроса, проведенного Службой ВР в июле 1995 г., удалось вычленить две достаточно большие по численности и непере-секающиеся группы: (1) озабоченных исключительно материально-экономическими условиями жизни и (2) обеспокоенных сугубо морально-политическими проблемами. Особенностью первой группы оказалось относительное преобладание в ней женщин (65%), лиц с общим средним и более низким образованием (57%), промышленных и сельскохозяйственных рабочих (50%), жителей малых городов и сельской местности (60%). Соответственно, вторую группу в основном составили представители так называемых продвинутых или высококурсовых групп: мужчины (51%), лица с высшим и средним специальным образованием (72%), служащие, специалисты и руководители (64%), жители крупных и средних городов (56%).

Итак, представителей первой группы в составе потенциальных «протестантов» отличает низкий уровень адаптации, а представитель-лей второй — ее высокий уровень. И те, и другие, видимо, могут проявить склонность к протесту при условии, что у них нет иного выбора. Если у представителей первой группы, для которых характерно недо-вольство материально-экономическими условиями жизни, сохраняется желание и надежда приспособиться к изменившимся обстоятель-ствам, они, скорее всего, предпочтут адаптацию, чем участие в акциях протеста. Что касается второй группы (недовольство морально-поли-тическими реалиями), то для нее альтернативой протестным действи-ям может служить, например, протестное голосование на выборах при условии, что с его помощью *в принципе* может произойти смена поли-тического режима. Если надежды на решение тех или других проблем обычными, мирными методами не остается, вероятность массовых дей-ствий протеста, естественно, возрастает.

Преобладание «адаптационных» настроений над «протестными» было характерно для российского общества в 90-е годы, когда многие россияне видели свою задачу в том, чтобы «выжить», приспособиться к условиям рыночной экономики. Что же изменилось в общественных настроениях в начале 2005 года? Почему пенсионеры и другие катего-рии льготников, которые традиционно были оплотом власти на выбо-рах, «восстали» против замены своих «натуральных» привилегий де-нежными компенсациями?

Закон о «монетизации льгот» коснулся широких слоев населения, прежде всего ветеранов и пенсионеров, однако его вклад в общее сни-жение уровня жизни относительно невелик, если учесть ежегодные темпы инфляции, постоянное повышение тарифов на коммунальные и другие услуги, снижение объема и качества бесплатного медицин-ского обслуживания и т.д. «Монетизация льгот» стала последней кап-лей, переполнившей чашу терпения, потому что она не просто нару-

шила сложившийся хрупкий баланс доходов льготников и их возможностей удовлетворения своих жизненно важных потребностей, но и вызвала сознательный отказ от адаптации к предлагаемым переменам. Нововведения были восприняты в основном как несправедливые, по крайней мере, по трем основаниям: во-первых, они затронули интересы только рядовых граждан, не коснувшись привилегий высшей бюрократии и вообще правящего класса, во-вторых, продемонстрировали вопиющее неравенство в распределении государственных доходов между населением/бюджетниками и государством (госбюджет, золотовалютный резерв, стабилизационный фонд и т.д.) и, в-третьих, затронули базовые ценности ветеранов и пенсионеров. Льготы имеют для последних не только финансовое, материальное измерение, но и служат формой выражения заслуг перед обществом (общественное признание того, что жизнь прожита не зря). В сознании потенциальных «протестантов» произошел синтез недовольства материально-экономическими условиями жизни и чувства несправедливости сложившихся общественных отношений. Можно предположить, что именно ощущение несправедливости парализовало, блокировало их адаптационный потенциал и, естественно, актуализировало потенциал протеста.

Таким образом, одной из важнейших предпосылок трансформации социального недовольства в массовые действия протеста служит снижение адаптационного потенциала в результате нежелания, отказа людей от дальнейшего приспособления к меняющимся условиям жизни⁴. Предотвращение массовой «реакции отторжения» на предлагаемые реформы за счет «приобщения», «включения» масс тем или иным образом в процесс реформирования может, видимо, блокировать нежелательные акции протеста. Если бы «монетизация льгот», скажем, касалась не только широких слоев общества, но и привилегий чиновников, вводимые меры выглядели бы в глазах населения более справедливыми и, скорее всего, не вызвали бы такого открытого и массового протеста с элементами насилия (как в случае блокирования автомагистралей).

⁴ Основные негативные изменения произошли в оценках собственного положения дел. Впервые с мая прошлого года прекратилась тенденция роста уровня приспособленности (адаптации) россиян к происходящим в стране переменам. В январе 2005 г. по сравнению с декабрем 2004 г. число тех, кто считает, что уже приспособился к переменам, сократилось с 65 до 57%, а число тех, кто полагает, что «никогда не приспособится», выросло с 16 до 22%. Эта отметка — максимальная за полтора года. (ВЦИОМ. Пресс-выпуск №162).

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В МАССАХ И ЭЛИТЕ

При изучении механизма трансформации социального недовольства в массовый потенциал протеста недостаточно рассматривать закономерности изменения только массового сознания, поскольку, как известно, во многом оно отражает состояние и тенденции развития общества в целом, тем более в кризисный, переходный период. Для ответа на вопрос, какие внешние факторы стимулируют или, наоборот, блокируют протестный потенциал, необходимо обратиться к анализу взаимосвязи массового и элитного сознания.

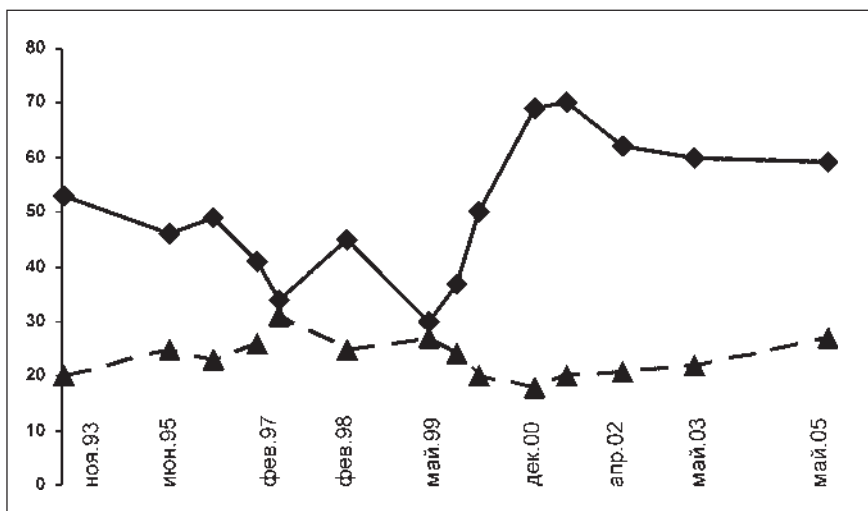

Рис. 2. Динамика показателей консолидации элиты и протестного потенциала масс (в % к общему числу респондентов в каждом опросе)

На рисунке 2 отчетливо видна обратная связь между массовым потенциалом протеста и степенью консолидации элитных («властных») групп в принципиальном вопросе о том, куда идет Россия. Чем выше степень консолидации правящей элиты, тем ниже массовый потенциал протеста и, наоборот, чем выше «раздрай» в «верхах» (несогласие, например, по вопросу о курсе развития страны), тем сильнее протестные настроения в «низах».

После кризиса октября 1993 г. и первых выборов в Государственную Думу в России сложилась относительно благоприятная политическая ситуация: уровень протестных настроений в обществе был срав-

нительно низок, а степень консолидации элиты довольно высока. В дальнейшем на графике четко просматриваются два кризисных момента — начало 1997 г. (болезнь Б. Ельцина) и середина 1999 г. (замена Е. Примакова на посту премьер-министра сначала С. Степашиным, а затем В. Путиным). В то же время 1998 год не выглядит критической точкой, поскольку осеннему росту социального недовольства, следовавшему в результате «дефолта», сопутствовала относительная консолидация российской элиты после прихода к власти правительства Е. Примакова. Благоприятная для правительства политическая обстановка вновь возникла в 2000–2001 гг. в начале первого срока президентского правления В. Путина. В последующие годы, как можно заметить, степень консолидации элиты несколько снизилась, и в динамике массового протестного потенциала наметилась тенденция к росту. Однако разрыв между обоими показателями до сих пор остается значительным и довольно безопасным для власти.

Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что массовые акции протеста в начале 2005 г. не получили дальнейшего развития и не привели к серьезному политическому кризису. Власть нашла силы и средства справиться с этой проблемой, с одной стороны, исправив свои наиболее грубые ошибки, с другой — пойдя частично навстречу требованиям протестующих.

По поводу механизма взаимосвязи состояния массового и элитного сознания можно с уверенностью предположить лишь то, что ведущими, опережающими, лидирующими в этой паре являются, конечно же, настроения «верхов». Во-первых, отдельные элитные группы, по замечанию Ю. Левады, в определенный момент провоцируют и используют постоянно существующий протестный потенциал масс в своих интересах [8]. Во-вторых, сам по себе «раздрай» в элите может быть достаточным основанием для массового недовольства, поскольку сигнализирует о наличии серьезных проблем в развитии общества или об остром кризисе в управлении страной.

В любом случае подъемы и спады массовой протестной активности связаны с состоянием не только массового, но и элитного сознания. Если правящая элита расколота, растеряна, не способна противостоять возникающим угрозам, появляются условия для роста массовой протестной активности. Если властная, управленческая элита консолидирована, дееспособна, эффективна, у социального недовольства практически нет шансов на успешное выражение в массовых действиях протеста. Для подъема протестной активности масс необходим, следовательно, не только высокий уровень социального недовольства, но и относительная слабость власти. Этот вывод полностью соответствует знаменитой формуле «революционной ситуации», которая возникает при условии, что «верхи» уже не могут управлять, а «низы» не хотят жить по-старому.

МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ И КОНФЛИКТ НАРОДА И ВЛАСТИ

При характеристике механизма трансформации, преобразования социального недовольства в потенциал массового протеста важную роль играет степень, в которой субъект этого недовольства осознает, во-первых, его объективные основания и свои субъективные мотивы (чем недовольны, что не удовлетворяет) и, во-вторых, его адресат (кем недовольны, кто виноват). Что касается субъекта недовольства, то его социальные характеристики хорошо известны. Это, прежде всего, малоимущие и социально незащищенные слои населения — работники бюджетных отраслей народного хозяйства, пенсионеры и другие категории населения, находящиеся на содержании государства. Однако в иных ситуациях субъектом недовольства могут выступать и другие социальные группы, в предельном случае — народ, общество в целом.

Наиболее весомым стимулом недовольства в постсоветской России, несомненно, служит относительно низкий уровень жизни, бедность, нищета, широко распространенные в 90-е годы задержки с выплатой зарплат, пенсий и другие экономические причины. Причины социального свойства (резкая имущественная дифференциация, отсутствие социальных гарантий, разгул преступности и т.д.), а также политического характера (слабость, беспомощность власти, низкий международный престиж страны и т.п.) занимают обычно вторые-третьи места в иерархии наиболее острых проблем, волнующих в первую очередь.

Что касается объекта, адресата недовольства, то в массовом сознании он прочно ассоциируется, прежде всего, с различными институтами власти федерального и регионального уровней. По данным фонда «Общественное мнение», 33% опрошенных полагают, что люди недовольны, прежде всего, федеральными властями, а 25% чаще отмечают протест против региональных властей [6]. В последние годы с построением единой «властной вертикали» дифференциация на федеральную и региональную власти с точки зрения предъявления общественным мнением претензий и обвинений в неэффективном управлении вообще теряет смысл.

В начале 90-х годов конфликт народа и власти в глазах общественного мнения выглядел еще более острым. Так, по данным представительного всероссийского опроса, проведенного Службой ВР в конце 1992 г., 46% указали, что взаимоотношения народа и правительства по сравнению со всеми другими видами социальных конфликтов отличаются наиболее высокой напряженностью. Таким образом, проблема социального недовольства и массового протеста осознается в массовом сознании в первую очередь как конфликт народа и власти в целом, общества и государства в узком значении этих понятий.

В рамках конфликтологической парадигмы конфликтные отношения социальных субъектов в принципе представляются вполне нормальной формой их взаимодействия, когда между участниками конфликта происходит интенсивный обмен информацией и другими ресурсами, в целом способствующий их развитию. Основная проблема в данном случае заключается в качественных характеристиках такого рода конфликтных отношений. С одной стороны, конфликт не должен быть чрезмерно острым, иметь деструктивный, разрушительный характер, с другой стороны, противоречия между участниками конфликта должны быть хорошо осознаны и четко предъявлены, а не вытесняться из сознания и замалчиваться. Применительно к нынешней российской ситуации это означает, что в ответ на высокую степень сплоченности властвующей элиты, которая в конце 90-х годов прекрасно осознала свои общие интересы, народ, «рядовые» граждане также должны осознать свои общие интересы, научиться их выдвигать и отстаивать, в том числе с помощью массовых действий протеста.

В этой связи принципиальную важность приобретает вопрос о формах массовых акций протеста, а точнее проблема их легальности и легитимности. К законным и одобряемым в общественном сознании формам можно отнести письменные и устные обращения в органы власти и средства массовой информации, отстаивание интересов в суде, протестное голосование на выборах, участие в социологических опросах и референдумах, санкционированные пикеты, митинги, демонстрации и марши протеста, законные забастовки и т.д.; к противозаконным, незаконным — несанкционированные пикеты, митинги, демонстрации, марши протеста, забастовки, блокирование дорог, захват административных зданий и официальных лиц, гражданское неповиновение, вооруженное сопротивление представителям органов власти и т.п. Главное, что их различает, — наличие или отсутствие элементов насилия (угрозы насилия) над личностью и имуществом. В рамках цивилизованных отношений между социальными субъектами, находящимися в конфликтных отношениях, открытое и незаконное насилие, естественно, недопустимо.

Однако проблема насилия в массовых действиях протеста, перерастания «мирных» акций в волнения и беспорядки носит довольно сложный характер. Нередко власть, не умея управлять развитием конфликтных отношений, вести переговоры, находить компромиссы и т.д., прибегает к силе (демонстрации силы) и тем самым провоцирует ответное насилие со стороны протестующих⁵. Кроме того, «мирные», не-

⁵ «Демонстрация силы оскорбляет гордость и достоинство человека. Если выстроить поперек улицы сотню полицейских, одно это может спровоцировать беспорядки. Это оскорбляет и тех, кто протестует, и тех, против кого направлен протест, ибо превращает нас

насильственные акции протеста далеко не всегда оказываются достаточно результативными и действенными. Нередко власть ничего не предпринимает для решения поднятых проблем, не удосуживается отреагировать на заявления протеста, ответить на запросы, дать необходимые разъяснения и пр.

В глазах большинства россиян наиболее массовые формы протеста — митинги, демонстрации, забастовки — выглядят вполне приемлемыми и допустимыми, т.е. легитимными, хотя и не всегда легальными, официально разрешенными средствами выражения социального недовольства⁶. Однако при принятии важнейших управленческих решений нынешняя российская власть, как правило, не учитывает общественное мнение, выраженное теми или иными «мирными» средствами. В результате возрастает общественная поддержка насильственных действий протеста, например, блокирования автомагистралей⁷.

До начала 2005 г. представление о неэффективности массовых действий протеста абсолютно преобладало в общественном мнении. Однако после недавних акций льготников ситуация, видимо, принципиально изменилась. Как показал один из последних опросов ФОМа, «...56% россиян уверены, что с помощью акций протеста можно добиться решения той или иной проблемы, тогда как противоположной точки зрения придерживается примерно треть опрошенных (30%)» [4].

Последние акции протеста оказались для власти неприятной неожиданностью, хотя определенные предупреждения со стороны исследователей общественного мнения о возможных социальных последствиях «монетизации льгот» в смысле роста протестной активности

в “близких других”. Я ни разу не присутствовал при массовых беспорядках, однако стоит мне увидеть толпу полицейских, как у меня возникает странное желание взбунтоваться, будто именно этого от меня хотят и ожидают. В таких действиях есть элемент подстрекательства: скопление полицейских сверх определенной меры лишь укрепляет убежденность людей в том, что взрыв неизбежен» [9, с. 67].

⁶ «Сама протестная активность легитимизирована в общественном сознании: протестовать допустимо и “нормально”, участие в митингах, демонстрациях и пикетах не является событием экстраординарным. Но такие представления не становятся стимулом для мобилизации все новых участников. То есть имеет место феномен “пассивной солидарности» [2].

⁷ По данным ФОМа сделан вывод: «Хотя мнения, что перекрытие дорог незаконно, придерживаются две трети участников опроса, недопустимыми подобные акции считает значительно меньшая доля опрошенных — 43%. А 37% участников опроса полагают, что они допустимы, хотя большинство из них (55% этой группы) и признают незаконность блокирования дорог... В соответствии с этой логикой перекрытие дорог интерпретируется как переход от мирных переговоров к началу своего рода “военных действий” против власти: в таком контексте незаконные акции обретают легитимность и, по существу, единственным критерием при выборе способов достижения цели оказывается их эффективность.» (Инструментарий социального протеста: блокирование дорог // База данных ФОМ Материалы журнала «Социальная реальность» 2005. № 3).

звучали⁸. Однако социологические опросы как канал обратной связи «не сработали»: их результаты не были учтены при принятии управленческих решений по реализации закона № 122⁹. В результате были допущены серьезные просчеты, и, как следствие, возникли массовые беспорядки, вынудившие правительство спешно исправлять свои ошибки с помощью дополнительных финансовых вливаний¹⁰.

Что касается перспектив продолжения российских реформ в смысле расширения их социальной базы поддержки и блокирования массового потенциала протеста, то на этот счет можно сделать следующее заключение. Социальное недовольство как «питательная среда» массового протеста всегда было, есть и будет. При проведении модернизационных реформ оно, скорее всего, не уменьшится, а сохранится на

⁸ На основании данных фонда «Общественное мнение» был сделан следующий вывод: «Тема замены льгот денежными выплатами, безусловно, мобилизовала внимание россиян (информированными, напомним, являются 80%), примерно у половины из них планируемые перемены вызвали определенные опасения (47%). У сравнительно небольшой доли граждан (14%) возникли ожидания, что замена социальных льгот денежными компенсациями вызовет протестную реакцию в обществе. Вместе с тем, в сознании людей проблема замены льгот деньгами пока не связана с ощущением необходимости заявить свою позицию и установкой на те или иные формы коллективного протеста. Это не означает, что в дальнейшем не стоит ожидать обострения ситуации. Базовые элементы протеста — болезненно воспринимаемая тема, мобилизованное внимание, ожидание протеста, восприятие коллективной акции как декларации несогласия с планами властей — уже присутствуют в обществе. Следовательно, ситуация может развиваться, и изменения в ней необходимо отслеживать, по возможности используя косвенные индикаторы для изучения социального недовольства, его тематической и предметной сфокусированности, возможных форм его выражения» [3].

⁹ Александр Аузан: «То, что произошло с монетизацией льгот, я мог бы очень коротко описать как попытку сшить костюм по индивидуальному заказу на нестандартную фигуру, не встречаясь с заказчиком. Это можно сделать, но будет очень сильно, до боли, жать в некоторых местах. Что и произошло. Это очень сложная сфера, она вообще не реформируется без обратной связи. Маленький пример уже по исправлению ошибок закона: российское правительство торжествовало, что оно решило проблему пригородного сообщения, когда достигло соглашения с РАО «Российские железные дороги» о льготном проезде. Друзья мои, пригородный железнодорожный транспорт преобладает только в мегаполисах — это Москва и Санкт-Петербург, а для подавляющего большинства городов это автобусы, это речной транспорт. Таких вопросов, которые даже и в голову как-то не придут, если не разговаривать с теми, для кого шьют костюм, в законе миллион. Поэтому слабость обратной связи не позволяет при авторитарном принятии решений решать целый ряд вопросов». (Новая газета, 2005, № 51 (1076) от 18-20.07).

¹⁰ Владимир Рыжков: «Очень любопытно отреагировала власть на массовые протесты января-февраля этого года. Несмотря на накал страстей, в сам закон № 122 о монетизации льгот не было внесено ни одной поправки. Власть предпочла не менять плохо написанный закон, а просто загасить пожар на улицах деньгами. На это было вброшено дополнительно 300 миллиардов рублей, что удвоило расходы на монетизацию». (Новая газета, 2005, № 51 (1076) от 18-20.07).

прежнем уровне или даже возрастет. Об этом говорят, в частности, данные таблицы 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Каким образом, по Вашему мнению, повлияют на жизнь таких людей, как Вы...?»¹¹ (в %)

Изменения	Улучшит жизнь	Ухудшит жизнь	Никак не скажется	Затруднились ответить
Реформа энергетики	8	53	26	13
Жилищно-коммунальная реформа	8	56	24	12
Пенсионная реформа	14	36	32	18

Источник: Данные репрезентативного всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром в феврале 2003 г.

Основная проблема состоит не в снижении количественного уровня социального недовольства любым путем, а в изменении его качественной характеристики. Более важным представляется решить задачу, чтобы массовое недовольство было в состоянии выполнять социально конструктивную функцию. Задача реформаторов состоит, следовательно, не в том, чтобы бороться с протестными настроениями в обществе как таковыми, а в том, чтобы избежать перерастания дремлющего, скрытого, латентного социального недовольства в волнения и беспорядки, т.е. открытые действия протеста с применением насилия. Для этого власть должна, на наш взгляд, соблюдать по крайней мере три условия.

1. Не ограничивать, а, наоборот, расширять возможности социальной адаптации, массового приспособления к изменяющимся условиям жизни в результате проводимых реформ, в том числе за счет принятия достаточно справедливых и понятных с точки зрения общества управленческих решений.

2. Не допускать раскола элит, уметь договариваться с оппозицией (не только политической, но и культурной, интеллектуальной) по принципиальным вопросам развития страны.

3. Использовать «мирные» акции протеста в качестве канала обратной связи; не провоцировать насильственные действия со стороны протестующих в ответ на применение силы представителями органов охраны правопорядка.

¹¹ Данные репрезентативного всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром в феврале 2003 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный бюллетень мониторинга. ВЦИОМ. 1997. № 3 (29). Май-июнь.
2. *Гвоздева Е.* Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 10. 13 марта (<http://bd.fom.ru/report/map/d031032>).
3. *Климов И.* 2004 год: протестные настроения российских граждан // <http://bd.fom.ru/report/map/d042526>
4. *Климов И.* Протестный потенциал и протестная активность. 07.07.2005. Обзор: База данных ФОМ. Проекты. Доминанты. Поле мнений. Выпуск 27 от 7 июля 2005 г.
5. *Климова С.* Митинги, пикеты, демонстрации в жизни россиян. База данных ФОМ, 15.04.2004.
6. *Климова С.* Протестные настроения и протестные действия // http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444/domt0444/domt0444_4/d044422
7. *Левада Ю.А.* Человек недовольный: протест и терпение // От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
8. *Левада Ю.А.* Массовый протест: потенциал и пределы // От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
9. *Ролло М.* Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Смысл, 2001 г.